

Шёл раз у князя Владимира большой пир, и все на том пиру были веселы, все на том пиру хвалились, а один гость невесел сидел, мёду не пил, жареной лебедушки не ел, – это Ставер Годинович, торговый гость из города Чернигова. Подошёл к нему князь:

– Ты чего, Ставер Годинович, не ешь, не пьёшь, невесёлый сидишь и ничем не хвалишься? Правда, ты и родом не именит, и ратным делом не славен – чем тебе и похвастаться.

– Право слово твоё, великий князь: нечем мне хвастать. Отца

с матерью у меня давно нету, а то их бы похвалил... Хвастать золотой казной мне не хочется; я и сам не знаю, сколько её у меня, пересчитать до смерти не успею.

Хвастать платьем не стоит: все вы в моих платьях на этом пиру ходите. У меня тридцать портных на меня одного день и ночь работают. Я с утра до ночи кафтан поношу, а потом и вам продам. Сапогами тоже не стоит хвастаться: каждый час надеваю сапоги новые, а обнопочки вам продаю.

Кони все у меня златошёрстные, овцы все с золотым руном, да и тех я вам продаю.

Разве мне похвастать молодой женой Василисой Микулишной, старшей дочерью Микулы Селяниновича. Вот такой другой на свете нет! У неё под косою светлый месяц блестит, у неё брови черней соболя, очи у неё ясного сокола! А умнее её на Руси человека нет! Она всех вас кругом пальца обовьёт, тебя, князь, и то с ума сведёт.

Услыхав такие дерзкие слова, все на пиру испугались, приумолкли... Княгиня Апраксия обиделась, заплакала. А князь Владимир разгневался:

– Ну-ка, слуги мои верные, хватайте Ставра, волоките его в холодный подвал, за его речи обидные прикуйте его цепями к стене. Поите его ключевой водой, кормите овсяными лепёшками. Пусть сидит там, пока не образумится. Поглядим, как его жена нас всех с ума сведёт и Ставра из неволи выручит!

Ну, так всё и сделали: посадили Ставра в глубокие погреба. Но князю Владимиру мало этого: приказал он в Чернигов стражу послать, опечатать богатства Ставра Годиновича, а его жену в цепях в Киев привезти – посмотреть, что это за умница!

Пока послы собирались да коней седлали, долетела обо всём весть в Чернигов к Василисе Микулишне.

Горько Василиса задумалась: «Как мне милого мужа выручить? Деньгами его не выкупишь, силой не возьмёшь! Ну, не возьму силой, возьму хитростью!»

Вышла Василиса в сени, крикнула:

– Эй вы, верные мои служаночки, седлайте мне лучшего коня, несите мне платье мужское татарское да рубите мне косы русые! Поеду я милого мужа выручать!

Горько плакали девушки, пока резали Василисе косы русые. Косы длинные весь пол усыпали, упал на косы и светлый месяц.

Надела Василиса мужское платье татарское, взяла лук со стрелами и поскакала к Киеву. Никто и не поверит, что это женщина, – скачет по полю молодой богатырь.

На полдороге встретились ей послы из Киева:

– Эй, богатырь, куда ты путь держишь?

– Еду я к князю Владимиру, послом из грозной Золотой Орды, получать дань за двенадцать лет. А

вы, молодцы, куда направились?

- А мы едем к Василисе Микулишне, её в Киев брать, богатства её на князя перевести.

- Опоздали вы, братцы, Василису Микулишну я в Орду отослал, и богатства её мои дружинники вывезли.

- Ну, коли так, нам в Чернигове делать нечего. Мы поскачем обратно к Киеву.

Поскакали киевские гонцы к князю, рассказали ему, что едет в Киев посол от грозной Золотой Орды.

Запечалился князь: не собрать ему дань за двенадцать лет, надо посла умиловать.

Стали столы накрывать, на двор ельничек бросать, поставили на дороге дозорных людей - ждут гонца из Золотой Орды.

А посол, не доехав до Киева, разбил шатёр в чистом поле, оставил там своих воинов, а сам один поехал к князю Владимиру.

Красив посол, и статен и могуч, и лицом не грозен и учтив.

Соскочил с коня, привязал его к золотому кольцу, пошёл в горницу. Поклонился на все четыре стороны, князю и княгине отдельно. Ниже всех поклонился Забаве Путятишне.

Говорит князь послу:

- Здравствуй, грозный посол из Золотой Орды, садись за стол, отдохни, поешь-попей с дороги.

- Некогда мне рассиживаться; нас, послов, хан за это не жалуется. Подавай-ка, князь, побыстрее дани за двенадцать лет да отдай за меня замуж Забаву Путятишну, и я в Орду поскачу!

- Позволь, посол, мне с племянницей посоветоваться.

Вывел князь Забаву из горницы и спрашивает:

- Ты пойдёшь ли, племянница, за ордынского посла?

И Забава ему говорит тихонько:

- Что ты, дядюшка! Что ты задумал, князь? Не делай смеху по всей Руси - это ведь не богатырь, а женщина.

Рассердился князь:

– Волос у тебя долог, да ум короткий: это грозный посол из Золотой Орды, молодой богатырь Василий.

– Не богатырь это, а женщина! Он по горнице идёт, словно уточка плывёт, каблуками не пристукивает; он на лавочке сидит, колена вместе жмёт. Голос у него серебряный, руки-ноги маленькие, пальцы тонкие, а на пальцах видны следы от колец.

Задумался князь:

– Надо мне посла испытать!

Позвал он лучших киевских молодцов-борцов: пять братьев Притченков да двух Хапиловых, вышел к послу и спрашивает: – Не хочешь ли ты, гость, с борцами потешиться, на широком дворе побороться, размять с дороги косточки?

– Отчего же кости не размять, я с детства бороться люблю.

Вышли все на широкий двор, вошёл молодой посол в круг, захватил одной рукой трёх борцов, другой – трёх молодцов, седьмого бросил в середину да

как ударит их лоб об лоб, так все семь на земле лежат и встать не могут.

Плюнул князь Владимир и прочь пошёл:

– Ну и глупая Забава, неразумная! Женщиной такого богатыря назвала! Таких послов мы ещё не видели!

А Забава всё на своём стоит:

– Женщина это, а не богатырь!

Уговорила она князя Владимира, захотел он ещё раз посла испытать.

Вывел он двенадцать стрельцов.

– Не охота ли тебе, посол, из лука со стрельцами потешиться?

– Отчего же! Я с детства из лука постреливал!

Вышли двенадцать стрельцов, пустили стрелы в высокий дуб. Зашатался дуб, будто по лесу вихрь прошёл.

Взял посол Василий лук, натянул тетиву – спела шёлковая тетива, взвыла и пошла стрела калёная, упали наземь могучие богатыри, князь Владимир на ногах не устоял.

Хлестнула стрела по дубу, разлетелся дуб на мелкие щепы.

– Эх, жаль мне могучий дуб, – говорит посол, – да больше жаль стрелку калёную, теперь её во всей Руси не найти!

Пошёл Владимир к племяннице, а она всё своё твердит: женщина да женщина!

«Ну, – думает князь, – сам я с ним переводеаюсь – не играют женщины на Руси в шахматы

заморские!»

Приказал принести золотые шахматы и говорит послу:

- Не угодно ли тебе со мной потешиться, поиграть в шахматы заморские?
- Что ж, я с малых лет всех ребят в шашки-шахматы обыгрывал! А на что мы, князь, играть начнём?
- Ты поставь дань за двенадцать лет, а я весь Киев-город поставлю.
- Хорошо, давай играть!

Стали шахматами по доске стучать. Князь Владимир хорошо играл, а посол раз пошёл, другой пошёл, а десятый пошёл – князю шах и мат, да и шахматы прочь!

Запечалился князь:

- Отобрал ты у меня Киев-град – бери, посол, и голову!
- Мне не надо твоей головы, князь, и не надо Киева, отдай мне только твою племянницу Забаву Путятишну.

Обрадовался князь и на радостях не пошёл больше Забаву и спрашивать, а велел готовить свадебный пир.

Вот пируют они день, другой и третий, веселятся гости, а жених с невестой невеселы. Ниже плеч посол голову повесил.

Спрашивает его Владимир:

- Что же ты, Васильюшка, невесел? Иль не нравится тебе наш богатый пир?
- Что-то, князь, мне тоскливо, нерадостно: может, дома у меня случилась беда, может, ждёт меня беда впереди. Прикажи позвать гусяров, пусть повеселят меня, пропоют про старые года либо про нынешние.

Позвали гусяров. Они поют, струнами звенят, а послу не нравится:

- Это, князь, не гусяры, не песельники... Говорил мне батюшка, что есть у тебя гость черниговский Ставер Годинович, вот тот умеет играть, умеет и песню спеть, а эти словно волки в поле воют. Вот бы мне Ставра послушать!

Что тут делать князю Владимиру? Выпустить Ставра – так не видать Ставра, а не выпустить Ставра – разгневить посла.

Не посмел Владимир разгневить посла, ведь у него дани не собраны, и велел привести Ставра.

Привели Ставра, а он еле на ногах стоит, ослабел, голодом заморён...

Как выскочит тут посол из-за стола, подхватил Ставра под руки, посадил рядом с собой, стал поить-кормить, попросил сыграть.

Наладил Ставер гусли, стал играть песни черниговские. Все за столом заслушались, а посол сидит слушает, глаз со Ставра не сводит.

Кончил Ставер.

Говорит посол князю Владимиру:

- Слушай, князь Владимир киевский, ты отдай мне Ставра, а я прошу тебе дань за двенадцать лет и вернусь к Золотой Орде.
- Неохота князю Владимиру Ставра отдавать, да делать нечего.
- Бери, – говорит, – Ставра, молодой посол.

Тут жених и конца пира не дождался, вскочил на коня, посадил сзади Ставра и поскакал в поле к своему шатру.

У шатра он его спрашивает:

- Али не узнал меня, Ставер Годинович? Мы с тобой вместе грамоте учились.
- Не видал я тебя никогда, татарский посол.

Зашёл посол в белый шатёр, Ставра у порога оставил. Быстрой рукой сбросила Василиса татарское платье, надела женские одежды, приукрасилась и вышла из шатра.

- Здравствуй, Ставер Годинович. А теперь ты тоже не узнаёшь меня?

Поклонился ей Ставер:

- Здравствуй, моя любимая жена, молодая умница Василиса Микулишна! Спасибо, что ты меня из неволи спасла! Только где твои косы русые?

- Косами русыми, мой любимый муж, я тебя из погреба вытащила!

- Сядем, жена, на быстрых коней и поедем к Чернигову.

- Нет, не честь нам, Ставер, тайком убежать, пойдём мы к князю Владимиру пир кончать.

Воротились они в Киев, вошли к князю в горницу.

Удивился князь Владимир, как вошёл Ставер с молодой женой.

А Василиса Микулишна князя спрашивает:

- Ай, солнышко Владимир-князь, я - грозный посол, Ставрова жена, воротилась свадебку доигрывать. Отдашь ли замуж за меня племянницу?

Вскочила Забава-княжна:

- Говорила я тебе, дядюшка! Чуть бы смеху не наделал по всей Руси, чуть не отдал девицы за женщину.

Со стыда князь и голову повесил, а богатыри, бояре смехом давятся.

Встряхнул князь кудрями и сам смеяться стал:

- Ну уж и верно ты, Ставер Годинович, молодой женой расхвастался! И умна, и смела, и собой хороша. Она всех вокруг пальца обвела, и меня, князя, с ума свела. За неё и за обиду напрасную отдарю я тебя подарками драгоценными.

Вот и стал отъезжать домой Ставер Годинович с прекрасною Василисой Микулишной. Выходили провожать их князь с княгиней и богатыри, и слуги княжеские.

Стали они дома жить-поживать, добра наживать.

А про Василису прекрасную и песни поют и сказки сказывают.

